

УДК 347

ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ УВАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

© 2025 г. А. А. Волос

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: volosalexey@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.04.2024 г.

Аннотация. Целью статьи является выявление характерных особенностей принципа диспозитивности как инструмента регулирования отношений, при которых субъекты используют цифровые технологии. Среди наиболее проблемных аспектов тематики выявляются следующие: наличие субъективного права на отказ от использования цифровых технологий, элементы принципа диспозитивности, его соотношение с необходимостью обеспечения безопасности общества и государства. Среди наиболее принципиальных выводов выдвинут постулат о том, что право на отказ от использования цифровых технологий должно быть гарантировано только по отношению к процедурным аспектам реализации фундаментальных прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип диспозитивности, принципы гражданского права, цифровая среда, цифровое право, принцип добросовестности, осуществление гражданских прав, отказ от осуществления гражданских прав, свобода договора, юридическое равенство, слабая сторона.

Цитирование: Волос А.А. Принцип диспозитивности в гражданском праве в контексте уважения личности в цифровой среде // Государство и право. 2025. № 1. С. 126–134.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>

DOI: 10.31857/S1026945225010115

THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY IN CIVIL LAW IN THE CONTEXT OF PERSONAL RESPECT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

© 2025 А. А. Volos

HSE University, Moscow

E-mail: volosalexey@yandex.ru

Received 22.04.2024

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the principle of dispositively. According to the author it is the tool for regulating relations when subjects use digital technologies. Among the most problematic aspects of the topic, the following aspects are identified: the existence of a subjective right connected with refusing of digital technologies, elements of the principle of dispositivity, its correlation with the need to ensure the security of society and the state. Among the most fundamental conclusions put forward is the postulate that the right to refuse to use digital technologies should be guaranteed only in relation to the procedural aspects of the implementation of fundamental human and civil rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation.

Key words: the principle of dispositivity, civil law principles, digital environment, digital law, principle of good faith, exercise of civil rights, refusal to exercise civil rights, freedom of contract, legal equality, weak party.

For citation: Volos, A.A. (2025). The principle of dispositivity in Civil Law in the context of personal respect in the digital environment // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 126–134.

The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>

Развитие новейших технологий поставило много вопросов, связанных с защитой прав личности в цифровой среде. Изначально цифровизация наряду со своими бесспорными преимуществами предопределила появление неизвестных ранее способов нарушения субъективных гражданских прав. Например, после появления сети Интернет существенно легче стало распространять не соответствующую действительности и порочащую честь и достоинство личности информацию. Параллельно сильно усложнился процесс доказывания самого факта правонарушения, в частности в силу особенностей идентификации субъектов в цифровой среде. При этом ранее речь шла исключительно о специфике процедурных моментов нарушения прав личности.

Сегодня цифровые технологии стали настолько популярны и необходимы, что приемы их эксплуатации уже непосредственно создают предпосылки к правонарушениям. Так, для заключения гражданско-правового договора в онлайн-пространстве или иным электронным способом первостепенную роль играет обладание специальными знаниями и навыками. Лицо, предоставляющее какие-либо услуги и применяющее для оформления договорных отношений электронные способы, может оказывать влияние на действия контрагента через особый интерфейс сайта, редкую подборку шрифтов, всплывающие окна и т.п. Судебная и иная правоприменительная практика (дело ЦУМ¹, дело «Связного»², проверка прокуратурой правил Вайлдберриз³ и т.д.) по данному направлению уже начинает формироваться и наглядно иллюстрирует тот факт, что злоупотребления со стороны различных субъектов (цифровых платформ, агрегаторов, информационных посредником и пр.) становятся обычным явлением.

В такой ситуации заслуживает значительного внимания дискуссия об обеспечении прав человека и гражданина, об уважении личности в цифровой среде. В ее рамках стоит обсудить ряд глобальных проблем, например гарантии прав человека

при использовании нейросетей и технологий искусственного интеллекта⁴. Они требуют системного решения с привлечением последних достижений философии, этики, права, социологии и в целом не являются предметом изучения в настоящей статье. Вместе с тем возникает множество частных вопросов, по многим из которых адекватное объяснение может быть найдено с опорой на классические принципы права, основанные на конституционной идее о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

В гражданском праве эта формула нашла выражение прежде всего в принципе диспозитивности и провозглашении автономии воли субъектов, так как диспозитивность, являясь не только принципом, но и отличительной чертой гражданско-правового регулирования, гарантирует свободу выбора конкретных путей, способов реализации правоспособности, оснований установления прав и обязанностей: субъект может определять условия совершения действий, их время и место, а также содержание правоотношения⁵. Свобода и самоопределение личности есть основы частного права⁶. Таким образом, гарантируя свободу воли лица и провозглашая гражданско-правовое регулирование, законодатель в известной степени обеспечивает уважение человеческой личности.

Говоря о взаимоотношениях участников экономического оборота, происходящих при обращении к цифровой среде, следует поставить первостепенный вопрос о наличии права на отказ от цифровизации⁷ или права на отказ от использования цифровых технологий⁸. Действительно, настолько ли далеко идет представление о правах человека и уважении личности, что субъект может ввиду действия принципа диспозитивности отказаться от цифровых технологий для целей осуществления тех или

⁴ См., напр.: Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал рос. права. 2020. № 10. С. 25–39.

⁵ См.: Яковлев В.Ф. Избр. труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. М., 2012. Кн. 1. С. 92.

⁶ См.: Weinger A. Privatrecht. Eine Einführung. Wien, 2016. S. 6–8.

⁷ См., напр.: Волос А.А., Иванов А.А. Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.

⁸ См., напр.: Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тютюк Е.В. Право на отказ от цифровых технологий: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 1. С. 8–28.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf.php?id=2258070 (дата обращения: 02.04.2024).

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 04.04.2023 № 49-КГ22-28-К6. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf.php?id=2234254 (дата обращения: 02.04.2024).

³ См.: Генпрокуратурой России завершена проверка компании Wildberries. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=91488185> (дата обращения: 02.04.2024).

иных гражданских прав? Скажем, может ли сторона договора потребовать его заключения только в традиционном «бумажном» варианте или отказаться от его исполнения с применением информационных технологий?

Параллельно с этим возникает несколько «подвопросов». Так, имеет ли значение для разрешения данной дилеммы правовой статус субъекта: гражданин-потребитель, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, публично-правовое образование? И самое главное: в какой мере государство может устанавливать императивное правовое регулирование, при котором осуществление определенного вида гражданских прав реализуется исключительно путем обращения к конкретным цифровым технологиям. Уже замечены и стали достаточно актуальными примеры таких неоднозначных ситуаций. В частности, большой резонанс вызвало введение карты болельщика в качестве обязательного условия для посещения матчей Российской футбольной премьер-лиги⁹. Тем самым, порядок заключения гражданско-правового договора покупки билета на футбольный матч был усложнен особыми обязательными правилами идентификации субъекта.

Как представляется, имеются вполне осязаемые перспективы существенного расширения перечня императивно установленных случаев, когда способы осуществления субъективных гражданских прав будут ограничены использованием цифровых технологий. В частности, если опыт внедрения цифрового рубля окажется положительным, он может быть перспективен для разнообразных ситуаций, когда актуально обеспечить открытость расчетов, их контролируемость, а также гарантированность направления денежных средств на установленные цели (речь идет, к примеру, о сферах государственных закупок, оплате труда государственных служащих, исполнении алиментных обязательств). Кроме того, активная эксплуатация сервиса «Госуслуги» могла бы стать основанием для его применения в качестве эффективного инструмента идентификации субъектов наиболее значимых из публично-правовых соображений гражданско-правовых сделок, например, относительно недвижимости. По таким модельным, но достаточно реальным схемам может развернуться дискуссия, насколько допустимо ограничивать субъектов в выборе способов осуществления своих субъективных гражданских прав. Не стоит исключать, что некоторые участники оборота, которые не хотят применять новейшие технологии по тем или иным причинам, связанным с отсутствием специальных

навыков или умений, а возможно, просто из-за личной позиции, не смогут реализовать некоторые субъективные права.

Ряд российских ученых утверждают, что следует «в ближайшее время вводить в отраслевом законодательстве обязанности по информированию граждан об использовании тех или иных цифровых технологий (например, технологий искусственного интеллекта) и созданию недискриминационных условий в сфере цифровизации, где для лиц, не имеющих знаний и/или возможностей их использовать, всегда будет предусмотрена альтернативная возможность нецифрового взаимодействия»¹⁰. Подобное информирование и создание недискриминационных условий, что само по себе представляется правильным решением с точки зрения законодательства, не решает проблему допустимости произвольного отказа субъекта от цифровых технологий.

В научной литературе встречается подход, согласно которому следует законодательно закрепить институт права на отказ от взаимодействия с государством и обществом цифровым путем¹¹. Видимо, такое право может быть реализовано применительно к любым отношениям, с чем согласиться в полной мере нельзя. Во-первых, законодательная практика уже пошла иным путем (практический пример с паспортом болельщика и теоретически вполне понятная цель обеспечения общественной безопасности тому подтверждение). Во-вторых, развитие цифровых технологий — активный процесс, удерживать или лимитировать который без особых причин не представляется необходимым.

Дополним, что сам по себе принцип, согласно которому не допускается создание дискриминационных условий на вступление в гражданские правоотношения, известен частному праву России и других стран: гарантируется равенство субъектов вне зависимости, скажем, от наличия заболеваний или инвалидности, признака гражданства и т.п.¹² Вместе с тем подобное положение не исключает в определенных случаях ограничения порядка осуществления субъективных прав, в том числе в связи с некоторыми заболеваниями или болезнями (возьмем для примера хотя бы возможность признания гражданина недееспособным) и по признаку гражданства, что наблюдается в рамках действующих санкционных режимов. Таким образом,

¹⁰ Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тютюк Е.В. Указ. соч. С. 9.

¹¹ См., напр.: Денисов Д.С. Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. No. 12. P. 128.

¹² См.: Basedow J. Der Grundsatz der Nichtdiskriminierung im europäischen Privatrecht // Fundamentale Grundsätze des Privatrechts in vereinigten Europa. Bratislava, 2007. S. 37.

⁹ См., напр.: Верховный Суд РФ отказался отменить Fan ID для футбольных болельщиков. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230209/308674228.html?ysclid=lujwkn58h4931871169 (дата обращения: 03.04.2024).

установление в прямо предусмотренных законом случаях императивной обязанности применения поименованных в законе цифровых технологий для осуществления гражданских прав формально возможно, если основано на адекватных политико-правовых соображениях.

В качестве ключевой теоретической идеи, дающей ответ на поставленный вопрос, нами предлагается принять следующий постулат: *право на отказ от использования цифровых технологий должно быть гарантировано только по отношению к процедурным аспектам реализации фундаментальных прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ*. В этих обстоятельствах должен существовать выбор: осуществлять принадлежащее субъективное право с применением цифровых технологий или в классическом (например, путем оформления бумажного носителя) порядке.

Так, механизм заключения договора купли-продажи жилого помещения следует рассматривать в качестве одной из процедур реализации фундаментального конституционно гарантированного права на жилье. Она должна при любых раскладах подразумевать право гражданина на отказ от технических средств без объяснения причин принятого решения. Другой пример затрагивает реализацию права на здоровье через взаимодействие с частными медицинскими организациями, которые в последнее время нередко предлагают оказывать некоторые услуги (в частности, давать консультации или предоставлять результаты анализов) дистанционно. Гражданин, скажем, в силу боязни утечки персональных данных должны сохранить гарантированное право на отказ от цифровых технологий и в этом случае. Третья модельная ситуация касается права на судебную защиту своих прав: речь идет об электронной форме отправления правосудия и возможности субъекта по своему желанию от нее отказаться.

Таким образом, будет обеспечен минимальный набор гарантий прав человека и гражданина при использовании цифровых технологий. Предложенный подход мог бы быть прямо отражен в законодательстве, но вполне вытекает из положений Конституции РФ и в перспективе должен быть сформулирован Верховным Судом РФ в своей практике. В частности, известно, что любые ограничения конституционных прав личности должны быть справедливыми, адекватными, пропорциональными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать само существо конституционных прав¹³. В наших примерах

при большой спорности вопроса о справедливости и адекватности ограничения права на выбор способов осуществления права очевидным видится, что указанное ограничение затрагивает существо права на жилище, здоровье, судебную защиту, так как исключает возможности по его осуществлению лицами, не имеющими специальных навыков и знаний, касающихся применения современных технологий. Вместе с тем осуществление перечисленных прав, учитывая их особые свойства принадлежности к личности, не может быть поставлено под условие наличия специфических навыков или знаний.

Иная ситуация складывается, когда какое-либо субъективное право не находится в непосредственной связи с фундаментальными правами личности и, что особенно важно, его осуществление подразумевает обязательное наличие ряда навыков и умений и/или повышенную ответственность. В качестве типичных примеров выделим предпринимательскую деятельность, работу по трудовому договору, выполнение работ, оказание услуг. Состояние дел здесь не исключает введения обязательных требований к осуществлению субъективного права с использованием цифровых технологий и потенциально может быть установлено императивными нормами законодательства. Обоснованием станет стандарт разумности субъекта гражданского оборота, сформированный деловым оборотом последнего времени: разумность участника гражданского оборота предполагает осмысленность и рациональность субъекта, который осуществляет свои гражданские права, а кроме того, логичность и целесообразность его поведения. Так, для предпринимателей, заключивших договор банковского счета; субъектов, участвующих в государственных закупках; патентообладателей, реализующих свои исключительные права; участников юридического лица, принявших решение о реорганизации, вполне стоит презюмировать, что логичность и целесообразность заключается в желании упростить и упорядочить эти процедуры. Следовательно, не стоит удивляться, если подобные формальные процедуры будут в императивном порядке переведены в онлайн-среду.

Изложенные рассуждения пересекаются с известной мыслью И.А. Покровского по поводу абстрактного и конкретного человека перед лицом права. Ученый писал о том, что право должно охранять интересы самоценных личностей, имеющих право на индивидуальность, даже если таковая значительно отклоняется от среднего типа и кажется многим странностью или чудачеством. Это обосновывается прежде всего тем, что закон берет под свою охрану не только типичное или шаблонное,

¹³ См., напр.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева» // Росс. газ. 2023. № 69.

но и оригинальное¹⁴. С процитированным тезисом стоит в некоторой степени согласиться и рассматривать в качестве дополнительного аргумента к тому, что право на отказ от использования цифровых технологий должно быть гарантировано по отношению к процедурным аспектам реализации фундаментальных прав человека и гражданина, осуществление которых направлено на удовлетворение базовых потребностей.

Вместе с тем важно заметить, что И.А. Покровский формулировал свои выводы об абстрактном и конкретном человеке перед лицом права применительно к признанию законодательством нетипичных договоров, а также институту недействительности сделок, совершенных под влиянием ошибки, угрозы, обмана¹⁵. Однако столетняя история развития права после публикации цитируемой книги доказала, что по объективным причинам, вызванным такими политико-правовыми соображениями, как защита разумных ожиданий других лиц и достижение стабильности экономического оборота, не всегда заслуживают охраны интересы конкретной личности и ее индивидуальные характеристики. Например, практика применения правил ст. 178 ГК РФ признает, что существенность ошибки — объективный фактор, а не мнение одного субъекта.

Приведенные выше идеи пересекаются с предложениями, касающимися создания в России Цифрового (или Информационного) кодекса. Происходящий в настоящее время инициативный процесс подразумевает формирование особых принципов регулирования отношений, возникающих в связи с эксплуатацией Цифровых технологий. Это прямо отражено в проекте концепции цифрового кодекса¹⁶. Тем не менее неизбежно встанет вопрос о соотношении принципов гражданского права, главным образом принципа диспозитивности, с принципами, которые будут установлены новым актом. Так, Э.И. Лескина предлагает установить в Цифровом кодексе принцип свободы и уважения автономии воли человека при взаимодействии с цифровыми технологиями¹⁷. Указанный принцип и его аксиологическая роль звучат логично и красиво. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что он нужен для регулирования отношений, в которых

субъекты используют цифровые технологии. Вместе с тем остается совсем не ясным, зачем нужно его дополнительно формулировать, учитывая, что такой принцип прямо вытекает из Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. Наоборот, заявленная нами идея о существовании права на отказ от цифровизации (от цифровых технологий), логично вытекая из постулата об уважении человека и личности в дополнение к содержанию принципа диспозитивности, является более практико-ориентированной, так как опирается на устоявшиеся в судебных решениях, в том числе позициях Конституционного Суда РФ, подходы.

Есть и другие предложения, связанные с тем, какими принципами следует руководствоваться при регулировании отношений в цифровой среде. В частности, предложена система принципов правовой политики России в сфере цифровой экономики¹⁸. В нее, правда, попали такие принципы, как принцип обеспечения равного доступа субъектов экономических отношений к цифровой среде или принцип установления презумпции добросовестности пользователей и разработчиков цифрового контента¹⁹. Названные категории вполне можно назвать элементами гражданско-правовых принципов: юридического равенства и добросовестности соответственно. Важно понимать при этом, что указанные гражданско-правовые принципы являются одновременно и принципами регулирования отношений, и принципами правовой политики, потому что имеют правотворческое значение. Тем самым в целом стоит согласиться с наличием принципов, заявленных авторами, которые были упомянуты выше. Однако в целях согласованности теории, практики и правотворческой деятельности не стоит заявлять об их самостоятельном характере.

Следует допустить, что авторы процитированных и иных аналогичных точек зрения, постулирующих независимый характер принципов регулирования цифровых отношений, строят свои рассуждения исходя из того, что принципы гражданского права не до конца играют свою правоприменительную и правотворческую роль. В этом есть доля истины, так как законодатель и правоприменитель по отношению к вопросам цифровой среды не всегда в полной мере полагаются на принцип уважения автономии воли человека. В частности, в качестве задач отдельных законопроектов, которыми предполагается закрепить регулирование ряда отношений в цифровой среде, указывается

¹⁴ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 106, 110.

¹⁵ См.: там же. С. 98 и сл.

¹⁶ См.: Проект Концепции федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации». URL: <https://a-mor.ru/wp-content/uploads/2023/12/1090-Исх.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁷ Данная точка зрения высказана на конференции. Автор отметила это, например, здесь: URL: https://vk.com/id241017123?w=wall241017123_265 (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁸ См.: Кравченко А.Г., Овчинников А.И. Принципы и приоритеты правовой политики России в сфере цифровой экономики // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1–10.

¹⁹ См.: там же.

обеспечение исчисления и уплаты в бюджеты всех уровней соответствующих налоговых платежей²⁰, а суд в одном из своих решений прямо сравнил переплату в мессенджерах с сапогами-скороходами и голубиной почтой²¹.

В обоих из приведенных случаев не учтен принцип уважения автономии воли человека. По поводу законопроектной деятельности нужно понимать, что регулирование гражданских (частноправовых) отношений само по себе не может быть направлено на достижение целей налогового права. Говоря о примерах из практики, следует помнить, что в силу принципов договорного права суд в каждом конкретном деле должен разбирать волю сторон на возникновение правоотношений, а не формально отказываться от признания за современными технологиями свойств формы сделок.

Допуская такие (вполне резонные) возражения, на них следует ответить в том ключе, что если фундаментальные и устоявшиеся для теории и практики принципы гражданского права не могут сформировать специфическое содержание, подходящее под вновь возникающие общественные отношения, то непосредственно цивилистическая теория принципов дает сбой. Принципы права должны работать следующим образом: а) выявляется новое для экономики и социума общественное отношение; б) фиксируется факт отсутствия регулирования; в) формулируется теоретически значимый и практикоприменимый вывод исходя из толкования принципов права. В последнем случае особую роль должны играть устоявшиеся подходы высших судов к толкованию принципов права. Именно при помощи приведенных логических умозаключений и сделан вышеупомянутый вывод про возможность существования субъективного права на отказ от цифровизации (цифровых технологий), а кроме того, по поводу того, каким образом будет наполнено содержание рассматриваемого права. Если настоящий механизм не работает, т.е. эффективно не решает возникающие правоприменительные проблемы, то принципы права не выполняют своих задач. Это ведет помимо прочего к тому, что отсутствует смысл и в новых принципах, например принципах цифрового права.

²⁰ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 237585-8 // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ // https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8#bh_histtras (дата обращения: 05.04.2024).

²¹ См.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 13.07.2021 по делу № А40-197742/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3ee7c57f-7557-49d2-8f75-fe1d71d34f16/9f85fa41-cda4-4970-8b42-c510e379d61d/A40-197742-2020_20210713_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.04.2024).

Таким образом, ряд ученых видит новую систему принципов регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий или возникающих непосредственно при обращении к цифровой среде. Как мы смогли удостовериться, сформулированные принципы явно пересекаются, а иногда вступают в противоречие с принципами гражданского права. В цифровой среде нередко возникают именно частноправовые отношения, касающиеся создания, распространения, использования, хранения, уничтожения и защиты информации, отношения, предметом которых является создание, развитие и эксплуатация информационно-коммуникационных технологий, отношения в области связи²². Такие отношения нередко основаны на автономии воли субъектов, свободе договора и других принципах гражданского права постольку, поскольку подпадают под суть предмета гражданско-правового регулирования. Более того, распространение информации и передача данных в своей основе происходит в связи с договором между частными субъектами. Роль принципа диспозитивности при регулировании рассматриваемых отношений существенна.

Другое дело, когда отношения, возникающие в цифровой среде, явно не являются частноправовыми. Например, речь идет о нарушении публично-правового запрета на распространение определенной информации или установление порядка работы известными правоохранительными органами с информацией. Однако и в таком случае не приходится говорить о самостоятельной системе принципов регулирования возникающих отношений, поскольку будут применяться нормы законодательства об оперативно-розыскной деятельности, положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства и пр. Тем самым следует не формировать новую систему принципов, а установить особые элементы принципов гражданского права для цифровой среды.

Говоря о содержании принципа диспозитивности, к таким компонентам стоит относить не только собственно право на отказ от использования цифровых технологий, но и иные правомочия: на применение различных технических инструментов на отдельных стадиях развития гражданского правоотношения (к примеру, на этапах заключения, исполнения, прекращения договора), на заключение сделок по поводу нетрадиционных для гражданского права объектов и существующих

²² Именно такие отношения, как предполагается, должны стать в своей основе предметом правового регулирования Цифрового кодекса РФ (см.: Проект Концепции федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации». URL: <https://a-mor.ru/wp-content/uploads/2023/12/1090-Исх.pdf> (дата обращения: 05.04.2024)).

в цифровой форме²³, на использование современных средств в целях самозащиты гражданских прав (в частности, для охраны интересов авторов и иных правообладателей в сети Интернет), на самостоятельное определение сторонами сделки нестандартных способов идентификации друг друга, на выбор дистанционного взаимодействия при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанности или инструментов онлайн-правосудия для разрешения возникающих споров. Приведенный перечень элементов ввиду сущности самого принципа диспозитивности должен быть открытым.

В некоторых случаях содержание принципа диспозитивности стоит более точно раскрывать в нормах законодательства. Это касается тех сфер, где презумпция диспозитивности вызывает некоторые разумные сомнения. Так, в отечественной и зарубежной литературе, посвященной наследственному праву, продолжаются споры по поводу допустимости конструкции наследственного договора. Даже в странах, где традиционно наследственный договор находится под запретом (Франция, Бельгия, Италия, др.), наметилась тенденция к ослаблению запрета²⁴. Традиция к запрету наследственного договора была вызвана тем, что он противоречит основному принципу наследственного права — принципу свободы завещания²⁵.

Однако на ситуацию с наследственным договором можно посмотреть с иной стороны: с точки зрения уважения личности, которая вольна выбирать различные формы и варианты передачи своего имущества другим лицам после смерти. Избрание человеком договорных инструментов, а не завещания должно поддерживаться государством. Вместе с тем, учитывая особенность самого наследственного права (большое количество императивных норм), порядка осуществления наследственных прав (с обращением к нотариусу), реализации в течение неопределенно длительного срока, расширение диспозитивности и свободы выбора человека

следует претворять в жизнь через законодательные нормы. Таковые вполне могут быть сформированы применительно к наследованию цифровых активов в Гражданском кодексе РФ.

Не стоит сомневаться в том, что осуществление указанных выше правомочий допустимо постольку, поскольку это прямо не противоречит закону или существу отношений, а также не происходит злоупотребление правом. Например, граждане могут составить завещание только в традиционной «бумажной» форме (абз. 4 п. 1 ст. 1124 ГК РФ), а использование технических средств с явным намерением навязать субъекту тот или иной договор (через особую цветовую гамму сайта или всплывающие окна) могут быть рассмотрены в качестве злоупотребления правом. В любом случае перечень элементов принципа диспозитивности и возможные ограничения в способах осуществления гражданских прав должны толковаться с учетом конституционно значимого принципа приоритета прав личности, потому что сам по себе законодательно гарантированный выбор между традиционной и цифровой формой вытекает из базовой идеи о необходимости уважения личности и ее воли.

Принцип диспозитивности в плане его реализации для конкретных отношений может быть ограничен, но только в той мере, в какой это требуется в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ). Показательно, что свобода осуществления гражданских прав в цифровой среде в настоящий момент систематически ограничивается. В частности, постепенно расширяются запреты, связанные с оборотом цифровой валюты (криптовалюты)²⁶ или с рекламой на различных информационных ресурсах²⁷.

С одной стороны, складывающееся положение дел является закономерным и обусловленным объективными факторами: обнаруживаются ранее не известные общественные отношения, для которых государство должно устанавливать регулирование. До того, как такого рода регулирование появится, взаимодействие субъектов происходит исключительно на основании воли субъектов и свободе их волеизъявлений. Однако в дальнейшем публичная власть, используя различные методы регулирования, среди которых и метод запретов, устанавливает официальные правила игры. В этом плане ограничение принципа диспозитивности для

²³ При этом вопрос о возможном запрете оборота таких объектов или установлении для них специфического правового режима остается на усмотрение государства, которому могут быть опасны, скажем, расчеты «частными криптовалютами» (см.: Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 25, 26). Вместе с тем до тех пор, пока отсутствует императивное регулирование по отношению к тем или иным объектам, субъекты гражданских отношений вольны заключать по поводу них сделки и требовать судебной защиты своих прав, если иное прямо не предусмотрено законом.

²⁴ См.: Stephan Wolf S., Hrubesch-Millauer S., Eggel M. et al. Der Erbvertrag aus rechtsvergleichender Sicht / Il contratto successorio, aspetti di diritto comparato. Stämpfli Verlag AG Bern, 2018. S. 29.

²⁵ См.: Grgic I. T. The Impact of the Contract of Inheritance on the Principle of Freedom of Testation. SGEM Conference on political Sciences, Law, Finance, Economics & Turism. Albena, Bulgaria. Vol. I. P. 851.

²⁶ См., напр.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 14) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1), ст. 5018.

²⁷ См.: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

отношений, возникающих в цифровой среде, — объективный процесс.

С другой стороны, важно создать ограничительный механизм, который не нарушал бы права личности и принцип ее уважения. Как видно из положений абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ и следует из смысла дискуссий по поводу цифрового права или цифрового кодекса, первостепенным основанием для ограничения принципа диспозитивности в цифровой среде является цель обеспечения безопасности государства, а также личности и общества. Следовательно, актуальной остается проблема соотношения принципа диспозитивности и обеспечения безопасности в цифровой среде.

Полагаем, что некое решение может быть найдено. Если говорить о правах и обязанностях участников отношений в онлайн-пространстве, то основой их правового статуса должен стать критерий прозрачности, базирующийся на том, что порядок заключения и исполнения договоров, содержание публичных оферт, возможные механизмы расторжения и прекращения договорных отношений должны быть открыты и понятны. Любой участник таких отношений должен иметь доступ к существенной по конкретному договору информации. В этой ситуации будут гарантированы права личности.

Аналогичный подход следует использовать при обсуждении вопроса о соотношении принципа диспозитивности и правила о необходимости обеспечения безопасности общества и государства. Ограничения прав должны не только основываться на данном базисе, но и быть корректными с точки зрения процедуры: точные формулировки закона, непротиворечивость его положений, логика в изложении дихотомии «право государства — обязанность участника гражданского оборота» и т.д. По поводу конкретных причин ограничения субъективных прав возможны расхождения во мнениях ученых и представителей общественных организаций, но соблюдение формы и открытость дискуссий по ним создадут устойчивое представление о правовом положении участников отношений в цифровой среде, а также сформируют понимание о разумных законных ожиданиях последних. Следовательно, форма (процедура) создает в приведенном случае известную гарантию содержания (основания для ограничения принципа диспозитивности ввиду необходимости обеспечения безопасности общества и государства). В этом плане не всегда удачным примером выступает действующее отечественное правовое регулирование, которое, являясь в определенной степени противоречивым, не позволяет говорить об адекватности тех сложных экономических отношений субъектов, которые реально возникают на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волос А.А., Иванов А.А. Цифровизация и конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.
2. Денисов Д.С. Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. No. 12. P. 128.
3. Кравченко А.Г., Овчинников А.И. Принципы и приоритеты правовой политики России в сфере цифровой экономики // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1–10.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 98, 106, 110.
5. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 25, 26.
6. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал рос. права. 2020. № 10. С. 25–39.
7. Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тютюк Е.В. Право на отказ от цифровых технологий: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 1. С. 8–28.
8. Яковлев В.Ф. Избр. труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. М., 2012. Кн. 1. С. 92.
9. Basedow J. Der Grundsatz der Nichtdiskriminierung im europäischen Privatrecht // Fundamentale Grundsätze des Privatrechts in vereinigten Europa. Bratislava, 2007. S. 37.
10. Grgic I. T. The Impact of the Contract of Inheritance on the Principle of Freedom of Testation. SGEM Conference on political Sciences, Law, Finance, Economics & Turism. Albena, Bulgaria. Vol. I. P. 851.
11. Stephan Wolf S., Hrubesch-Millauer S., Eggel M. et al. Der Erbvertrag aus rechtsvergleichender Sicht / Il contratto successorio, aspetti di diritto comparato. Stämpfli Verlag AG Bern, 2018. S. 29.
12. Weilingner A. Privatrecht. Eine Einführung. Wien, 2016. S. 6–8.

REFERENCES

1. Volos A.A., Ivanov A.A. Digitalization and the constitution // Law. 2022. No. 12. Pp. 34–45 (in Russ.).
2. Denisov D.S. Digital ecosystems and the right to abandon technologies // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. No. 12. P. 128 (in Russ.).
3. Kravchenko A.G., Ovchinnikov A.I. Principles and priorities of Russia's legal policy in the field of digital economy // ВВ: Administrative Law and Practice of Administration. 2020. No. 4. Pp. 1–10 (in Russ.).
4. Pokrovsky I.A. Basic problems of Civil Law. M., 1917. Pp. 98, 106, 110 (in Russ.).
5. Sukhanov E.A. On the civil nature of “digital property” // Herald of Civil Law. 2021. No. 6. Pp. 25, 26 (in Russ.).
6. Talapina E.V. Algorithms and artificial intelligence through the prism of human rights // Journal of Russ. law. 2020. No. 10. Pp. 25–39 (in Russ.).

7. *Fedotov M.A., Naumov V.B., Deineko A.G., Tytyuk E.V.* The right to abandon digital technologies: results of an expert survey // Works on intellectual property. 2024. Vol. 48. No. 1. Pp. 8–28 (in Russ.).
8. *Yakovlev V.F.* Selected works. Vol. 2: Civil Law: History and modernity. M., 2012. Book 1. P. 92 (in Russ.).
9. *Basedow J.* Der Grundsatz der Nichtdiskriminierung im europäischen Privatrecht // Fundamentale Grundsätze des Privatrechts in vereinigten Europa. Bratislava, 2007. S. 37.
10. *Grgic I.T.* The Impact of the Contract of Inheritance on the Principle of Freedom of Testation. SGEM Conference on political Sciences, Law, Finance, Economics & Turism. Albena, Bulgaria. Vol. 1. P. 851.
11. *Stephan Wolf S., Hrubesch-Millauer S., Eggel M. et al.* Der Erbvertrag aus rechtsvergleichender Sicht / Il contratto successorio, aspetti di diritto comparato. Stämpfli Verlag AG Bern, 2018. S. 29.
12. *Weilinger A.* Privatrecht. Eine Einführung. Wien, 2016. S. 6–8.

Сведения об авторе

ВОЛОС Алексей Александрович —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента частного права
факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
ORCID: 0000-0001-5951-1479

Authors' information

VOLOS Alexey A. —
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Private Law, Faculty of Law,
National Research University
“Higher School of Economics”;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia